

Интеллектуалы Древнего мира (часть 2)

© А.О. Крылов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Православный Свято-Тихоновский университет, Москва, 115184, Россия

Исследованы социальные роли и влияние «мудрых» людей в архаических обществах. Проанализированы различные типы власти и властных структур, начиная с простых форм организации, таких как семья и община, и заканчивая сложными потестарными системами, включая тайные общества и «аналоги государств». Основное внимание уделяется связи между властью и культом, а также роли «ритуальных экспертов», владеющих «тайным знанием», в поддержании и укреплении властных отношений. Показано, что интеллектуальная деятельность в древности была тесно связана с религиозными и магическими практиками, формирующими основу общественной и политической жизни. Сделан вывод, что ритуальные эксперты по своему общественному положению были наиболее близки к интеллектуалам.

Ключевые слова: интеллектуалы, культ, властные отношения, потестарные системы, магия, политическая антропология, политическая теология, ритуальные эксперты, мудрость

Первые этапы формирования интеллектуала как особого социального типа проходили в государствах Древнего Востока. Однако государства той эпохи были лишь одним из типов потестарных организаций. Поэтому вначале следует рассмотреть, как были устроены более простые властные структуры: семья, община, а также разного рода надобщинные объединения.

В первой части статьи было показано, что в архаическом обществе существовало два типа людей, чей социальный статус определялся их мудростью: «старейшины» и «пророки». Первые считались обладателями мудрости как искусством жизни, имели большой авторитет среди соплеменников и управляли обществом согласно божественным законам. Вторые обладали «тайной мудростью» — умением устанавливать и поддерживать связь с невидимым, духовным миром и незримой сущностью вещей. Покажем, какое место два этих социальных типа занимали во властных структурах древних обществ.

Политическая антропология и политическая теология. В архаическом обществе культ заключал в себе всю систему социальных и политико-юридических отношений. Миф культа был дискурсом власти, ритуалы — практикой власти [1, с. 117]. Потому изучение политического в древности невозможно без обращения к политическим антропологии и теологии.

Политическая антропология сложилась в середине XX в. как одно из направлений антропологии. Оно изучает политический процесс и политические институты «экзотических» обществ. В последующие десятилетия одной из важных проблем политической антропологии был политогенез — становление, развитие и трансформация традиционных политических структур [2].

Понятие «политическая теология» вошло в современную академическую науку благодаря работам немецкого юриста К. Шмитта, заимствовавшего его у теоретика анархизма М.А. Бакунина [3]. Политическая теология как метод научного исследования исходит из того, что политическое устройство общества выстраивается согласно представлениям о божественном мире: теологическая или метафизическая картина переносится в область политического. Это противоположно другому подходу, восходящему к Аристотелю, который видел в теологии лишь проекцию человеческих отношений на мир богов [4, с. 34–47].

Выдающийся немецкий египтолог Я. Ассман использовал метод политической теологии для анализа политических представлений на Древнем Востоке [5, 6]. При этом, изучая теологию Древнего Египта, Ассман обращал внимание на то, что до II тысячелетия до н. э. существовала лишь имплицитная теология — совокупность знаний о богах, их отношениях друг с другом и с людьми, выражавшаяся в мифах и ритуалах. Это знание не было упорядочено в единую систему с первоначалами, набором положений, четкой структурой и тем более — в виде сакральных текстов. Каждая область знаний, каждая *констелляция божеств* рассматривались с определенной точки зрения, описывались особым мифом и выражались особым ритуалом. При этом они не составляли единую, организованную мифологию или литургику [5, с. 16–34]. Таким образом, понятие божества является ключевым для представления политической теологии Древнего Востока.

Культ богов и властные отношения. Бог для человека Древнего мира был не онтологическим понятием, а лишь позицией, ролью во властных отношениях. Быть богом для кого-то означало обладать над ним безграничной властью, лишив его возможности ответной реакции на действие [7, с. 32].

Чаще всего богами именовали могущественных существ духовного мира, властвовавших над материальным миром [8, с. 37–39]. Эти боги были могущественны, но не всемогущи: они подчинялись мудрости Творца, заложенной в мир при создании, и потому действовали лишь в тех границах, которые были для них установлены. Таким образом, для древних мир был поделен на сферы, подконтрольные различным духовным существам, которые считались богами различных частей мироздания. Это включало в себя не только определенные географические места или материальные объекты, но и процессы и виды деятельности.

Притом боги не всегда вели себя так, как было установлено при создании мира — они нередко враждовали между собой или с людьми. Природные бедствия понимались как аномальные проявления божественной силы, нарушения привычного порядка действий богов.

Для того чтобы жить в мире, подвластном богам, человек должен был обрести своего бога, т. е. вступить в некие отношения с могущественным существом духовного мира. Эти отношения строились по принципу «защита в обмен на повиновение» [4, с. 329] — человек добровольно признавал духа своим богом и служил ему: приносил жертвы в обмен на помощь в делах. Такие властные отношения по формуле *do ut des* (даю, чтобы ты дал) составляли культ бога.

Таким образом, для человека Древнего Востока система власти в окружавшем его мире никогда не ограничивалась живыми людьми — потестарные организации были лишь частью миропорядка, основанного на власти и подчинении разумных существ.

«Прикладная теология»: богослужение, гадание и магия. Умение общаться с божественным миром, обретать благосклонность божеств и избегать их гнева было для людей древности важнейшим из искусств.

Многообразные взаимодействия человека с духовным миром можно разделить на три области: богослужение и жертвоприношения, гадание, магия. Все они так или иначе были связаны с культом богов и выражали имплицитную теологию. Поэтому общим для богослужения, гадания и магии было обращение к божественным именам — словесным (собственно имя) и визуальным (образ), а также совершение символических действий (ритуалов). Все они понимались как символы того, что соединяет материальный и духовный мир, позволяет духовным силам действовать в материальном мире.

Имплицитная теология Древнего Востока не выражалась в форме нарратива, передавалась из уст в уста и была тайным знанием, доступным лишь избранным. Она не получила развернутого выражения в письменности. Сакральные тексты, в особенности созданные при строительстве культовых построек, обычно были материальной фиксацией ритуальных формул и божественных имен, своего рода вечно звучащей речью, обращенной не к человеку-читателю, а к богам. Поэтому современные научные представления о теологии даже таких развитых цивилизаций, как Египет и Месопотамия, остаются гипотетическими реконструкциями, основанными на информации поздних источников и отдельных археологических свидетельств.

Главной святыней культа были священные объекты, в которых бог присутствовал особым, непосредственным образом. Общеизвестным было то, что божество могло являть себя в природных процессах, предметах, растениях и животных, считавшихся близкими

конкретному божеству. Такие природные иерофании издревле были объектами почитания. Особое место среди них занимали небесные тела, которые представлялись вместилищами самых могущественных божеств.

Считалось, что искусные люди могут создать материальные вместилища божества. В отличие от естественного сакрального предмета-иерофании (например, необычного камня, растения) идол был артефактом, искусственным предметом, превратившимся в сакральный лишь после особого ритуала. Чтобы божество соизволило обитать в предмете, этот предмет должен быть «угодным» божеству — изготовленным из «честных» материалов и выражать имя божества: визуальное — в облике статуи, и речевое — в виде надписи. После завершения ритуала статуя считалась материальным телом божества, в котором обитает незримый бог. Такое вместилище божества сберегалось в особом святилище, ставшем сакральным центром дома или в особом строении, храме [9]. Главным обрядом было жертвоприношение, в ходе которого материальные жертвы приносились перед материальным вместилищем божества.

Совершение ритуалов культа было практическим искусством, как изготовление медных топоров или управление кораблем. Потому пост жреца не предусматривал понимания смысла обрядов, а требовал лишь знание того, как следует совершать ритуальные действия, чтобы «угодить» божеству. Безусловно, среди жрецов существовали глубокие знатоки имплицитной теологии. Однако эти знания были тайными, их получали на высших степенях посвящения в культы и передавали только лишь устно. Иначе говоря, богослужение могло совершаться и после того, как знание о смысле ритуалов культа было скрыто или вовсе утрачено. Потому профессиональных жрецов как особой социальной группы на Древнем Востоке IV–III тысячелетия до н. э. не существовало. Любой лидер был в то же время и жрецом, совершавшим обряды перед богами.

Успех в делах считался следствием того, что человек знает, как жить по воле богов. Но мифологическая эпоха, когда боги были близки людям и жили среди них, давно прошла. Люди Древнего Востока полагали, что божества редко снисходят до непосредственной коммуникации с людьми, предпочитая выражать свою волю определенными знаками. Важнейшим искусством было умение различать знамения, являвшиеся в окружающем мире по инициативе самих богов, или проводить особые ритуалы, в ходе которых божества открывали свою волю. Особое место занимало умение истолковывать движения небесных тел, которые считались вместилищами-телами божеств [10, pp. 36, 68, 69]. Важно отметить, что познание воли богов посредством гадания был отделено от богослужебных ритуалов: если жрец мог просто точно исполнять предписанные действия, то гадатель

должен был задействовать весь свой запас знаний и интуицию, чтобы найти и интерпретировать божественные знаки.

Ритуалы, направленные на достижение частных целей и совершавшиеся вне священных хронотопов — храма, дворца, гробницы, обычно именовались магией. Современное понятие «магия» несет на себе печать его греческого употребления в значении порицаемых способов общения с духовным миром: злых, опасных или шарлатанских. Магия Древнего Востока была лишена этих коннотаций: заклинания и ритуалы, дававшие человеку власть над духами, считались важным знанием, данным богами людям.

Магические ритуалы могли иметь разные функции: лиминальную — изменяющую статус человека, защитную — отгоняющую злые силы, агрессивную — дававшую превосходство над другими, силу и привлекательность, а также колдовство, приносившее вред. Первые два типа ритуалов считались благочестивыми и этически допустимыми, третий — сомнительным, а четвертый — несомненным злом и угрозой для всего социума [11, р. 29].

Власть и культ. Человек, претендовавший на власть над другими людьми, должен был показать, что превосходит прочих мудростью, а значит посвящен в тайнства культа могущественных божеств. Признавая главенство человека, люди признавали могущество его бога, давшего власть своему избраннику. Свидетельством мудрости лидера и его особых отношений с духовным миром были победы в состязаниях-играх: от жребия до войны. Такой победитель подчинял людей не грубой силой, но демонстрацией расположения божественного мира [12, с. 145, 146]. Эту благосклонность богов М. Вебер именовал харизмой — впрочем, придавая ей имманентный характер личных особенностей человека [13, с. 178–185].

Дар власти можно было обрести, но можно было и утратить. Поэтому правитель должен был регулярно подтверждать свою харизму, участвуя в особых ритуалах. Утрата харизмы была главным грехом правителя — ведь оставшись без божественной защиты, подданные могли пострадать от гнева богов. Отсутствие результата от правильно исполненного ритуала означало, что боги не желают слышать служителя, гневаются на него. Природные катаклизмы, неурожай, поражение в войне могли знаменовать то, что правитель утратил харизму, либо то, что бог-покровитель оказался неспособным защитить от действий другого, более могущественного божества. Выходом была смена правителя или обращение к новому богу-покровителю, учреждение нового культа. Наконец, каким бы богоугодным, харизматичным ни был правитель, он оставался смертным. Потому величайшим сокровищем и тайной любой общности были ритуалы, позволявшие поддерживать и передавать харизму власти из поколения в поколение.

Совокупность ритуалов, позволявших узнавать волю богов, обрести особые отношения с духовным миром и сохранять эти отношения через поколения, составляла основу института власти.

Семья и община. Самыми простыми потестарными организациями Древнего Востока были семья и община, объединявшие несколько семей. И большая семья, и надсемейная община объединялись не столько общим биологическим происхождением, сколько общим культом божеств-покровителей.

В семье источником власти и первым божеством был праотцедок — тот, кто в мифологические времена породил праотцов нынешних членов семьи и установил для них законы жизни. Таким образом, праотцедок выступал как малый Бог-Творец для своего потомства. Праотцедок пребывал в духовном мире, но по-прежнему сохранял отеческую власть над потомками, а также мог выступать ходатаем и заступником за них в духовном мире. Считалось, что в каждом поколении праотцедок посредством ритуалов культа и посвящений передавал свою власть и харизму новому старейшине.

Усопшие посвященные переходили в духовный мир, где становились предками — духами-покровителями рода. Однако историческая память была короткой: за легендарным праотцедком следовало множество безымянных предков, чью череду завершали недавно скончавшиеся и ныне живущие старики [14].

Култ предков был средством сохранения и передачи властной харизмы, а также способом для общины обрести покровителей в духовном мире [1, с. 116–118]. Новый человек — от новорожденного младенца до захваченного пленника — мог быть принят в семью только через посвящение в култ и признание власти бога-покровителя [15, с. 34–36, 81–87]. Власть старейшины была ограничена традицией — строгими заповедями и ритуалами, введенными предками. Менять эти установления было крайне сложно, если вообще возможно: любое покушение на изменение культа, завещанного предками, могло прервать связь с предками и подвергнуть опасности само существование сообщества. Потому каждый род ревниво оберегал свои таинства и ритуал [15, с. 34–36, 81–87].

Следует отметить, что култ предков не касался тех усопших, которые не обладали харизмой праотцедка и потому не могли после смерти стать божественными духами-покровителями рода. Загробный мир на Древнем Востоке считался пугающим и опасным местом, участь большинства усопших — незавидной. Погребальные обряды должны были обеспечить усопшему благоприятный переход в иной мир и по возможности лучшее положение в нем. Регулярные жертвы усопшему, совершаемые при захоронении, должны были поддерживать в нем жизнь даже в мире мертвых [16, с. 288, 289].

Община объединяла несколько больших семей, которые могли иметь или не иметь общего предка. Бог-покровитель общины мог быть первопредком семьи, но мог быть и божеством, имевшим особую власть над той местностью, где жила община.

Если алтари семейных божеств находились внутри домов, то для культа божества-покровителя общины возводилось особое здание — храм. Главной святыней храма являлось материальное вместилище божества, которое помещалось в священной части храма. Если божество изображалось в антропоморфном виде, то вместилище было статуей. Служители храма относились к вместилищу божества как к живому существу: ежедневно предлагали статуе еду, переоблачали, пели гимны. Таким образом, храм был земным домом бога, храмовые служители — его личными слугами, а храмовое имущество — его личным имуществом.

Сам храм имел «слоистую» структуру, разделенную стенами и завесами. Чем ближе к святыне располагалось пространство, тем большая степень посвящения требовалась от входящего. Входить в покои божества могли лишь избранные жрецы. Рядовые храмовые служители или простые люди могли лицезреть статую божества лишь во время праздников, когда «идол» проносили по городу в торжественных процессиях — так бог «обозревал свои владения», а подвластные ему люди выражали почтение и молили о заступничестве и покровительстве окрестных земель и населявших эти земли людей. Это локальное, культовое измерение божества не противоречило его космическому измерению [5, с. 37–67, 128, 129; 16, с. 24–29].

Первым жрецом культа бога-покровителя общины был глава. Если старейшины семей наследовали свой статус, то глава общины избирался из достойных кандидатов. Это избрание было не рациональным, человеческим выбором, а гадательным ритуалом, в ходе которого божество указывало на своего избранника [15, с. 184–188]. Лидер общины должен был решать все важные вопросы вместе с главами семей, составлявших общину. Со временем лидерство могло закрепляться за определенными «богоугодными» семьями и становиться наследственным [17, с. 31].

Власть и «тайное знание». Власть и мудрость в семье и общине распределялись согласно половозрастной стратификации, а также степеням посвящения в семейный и общинный культы.

Однако существовала особая область мудрости, которая не была напрямую связана с общим культом. Это мудрость, дававшая возможности влиять на мир через обращение к скрытым смыслам вещей и существ [8, с. 44].

Все жители Древнего Востока имели определенные познания о духовном мире и защите от зла с помощью апотропеической магии. Это было частью той мудрости, которая передавалась по мере взросления [10, с. 124–127; 18, с. 115]. Однако подлинные эксперты встречались

редко. В отличие от жрецов, совершавших богослужение, от гадалей и практиков магии требовались не просто правильные действия, но особые познания и умения, позволявшие установить связь с духовным миром. Обладание этим «тайным знанием» давало человеку особое положение в обществе — он становился ритуальным экспертом [18, р. 399].

Ритуальный эксперт был посвящен в особый культ, недоступный другим членам общины. Обряды и мифы этого культа, «тайная мудрость» давали адепту власть над невидимым миром, недоступную обычным людям. Таким образом, ритуальные эксперты, в отличие от служителей семейных и общинных божеств, могли войти в особые отношения с *чуждыми* духами — опасными, неблагожелательными, а часто — открыто враждебными.

Отношение к ритуальным экспертам было двойственным. Обладатель «тайного знания» выступал как посредник между человеческим и не-человеческим миром, а потому он сам должен в определенной степени быть не-человеком. Ритуальный эксперт выделялся своей внешностью, образом жизни, характером. Он часто проживал вне общины, а если встречался с другими людьми, то вел себя асоциально, нарушая правила общежития. Само «тайное знание» и связанные с ним ритуалы нередко вызывали страх и отвращение. При этом ритуальный эксперт считался необходимым членом социума. Его навыки были необходимы обычным людям для сохранения здоровья и лечения болезней, продолжения рода и успеха в делах, а также для разрешения конфликтов, внутренних и внешних [18, pp. 160, 161].

Как и в случае обычного культа, «тайную мудрость» — особую связь с духовным миром — можно было обрести при разных обстоятельствах.

Наиболее могущественными ритуальными экспертами считались те, кто получил свои способности при рождении: унаследовали от родителей или приобрели индивидуально, из-за особых обстоятельств появления на свет. Считалось, что такой человек онтологически отличается от обычных людей: в его теле — рядом с обычной человеческой душой или вместо нее — обитает «не свой» дух. Он одновременно и человек и не-человек, свой для мира людей и для мира духов [19, с. 53–72].

В некоторых случаях «тайное знание» передавалось от наставника к ученику посредством посвящения в культ некоего духовного существа. Как и в других культах, это означало служение духовным сущностям в обмен на покровительство и помощь [19, с. 72–94, 97–104]. Данные обряды могли отличаться, но в любом случае имелось в виду не просто знание определенных ритуалов и формул, но обладание особой силой, особой связью с духовным миром.

Важно отметить, что если служители храмов прилагали все усилия, чтобы поддерживать древние обряды, то ритуальные эксперты

всегда были открыты к новому, охотно сочетая старое и новое, свое и чужое, привычное и экзотическое. Во главе угла здесь стояла эффективность, а не верность божественному покровителю [18, pp. 166, 167].

Однако главным было не происхождение силы ритуального эксперта, а то, как он использует эту силу. Обладатели «тайной мудрости» делились на тех, кто нарушает должный ход вещей (злой колдун, ведьма), и тех, кто восстанавливает миропорядок или защищает от угрозы (знахарь, заклинатель, врачеватель). Их положение в обществе существенно различалось.

Колдун и ведьма служили существам, явно враждебным людям. Такой «знаток» мог принести как добро, так и зло, но чаще он приносил беды. Поэтому колдун всегда внушал страх обычным людям. Его внешность и характер были пугающими. Отношения колдуна с духами всегда было амбивалентно: он одновременно являлся и господином духов, и их заложником [18, pp. 73–77].

Если колдун публично проявлял свою силу, то он получал особый статус. Его роль в социуме становилась похожей на роль «разбойника»: чтобы избежать зла, прочие люди должны были приносить «лихому человеку» дары и оказывать почтение. При этом колдун, как и разбойник, постоянно демонстрировал свою силу на тех, кто отказывал ему в повиновении [19, с. 340].

Однако куда страшнее было существование тайного колдуна или ведьмы — агента хаоса и зла, чужака, который таился внутри самой общины. Избирая в качестве покровителя чуждого духа, колдун освобождал себя от обязанности подчиняться законам семейного и общинного культа. Потому нонконформизм, отказ следовать традициям общины влек за собой обвинение в колдовстве как в измене богу-покровителю и шире — всему человечеству [1, с. 71].

Ритуальные эксперты, выступавшие в защиту миропорядка и людей, вызывали почет и уважение. Гадательные практики, апотропическая и лечебная магия считались божественным даром свыше, а их знатоки — важными и почетными членами общества. Знахарь выступал как антипод и враг колдуна. Однако постоянное общение со злыми силами также придавало этому защитнику человечества маргинальный статус, пусть и не столь выраженный, как у их злого соперника. Всегда существовала опасность, что знахарь, изучавший зло ради благих целей, мог обернуться зловердным колдуном [18, p. 176].

Ритуальный эксперт внушал страх и почтение. Но чтобы сохранять социальный статус, ему необходимо постоянно демонстрировать свою магическую силу. Колдун должен был губить своих недоброжелателей, знахарь — сражаться со злыми духами и насылавшими их колдунами. Притом ритуальные эксперты нередко мерялись силами, соперничая между собой. Более мягкой формой соперничества

была демонстрация своих сил в решении проблем с помощью «тайной мудрости». Но обычным явлением было состязание «знатоков», в котором победу одерживал более сильный, а стало быть, и более мудрый. Часто победитель занимал место побежденного.

Маргинальное положение и особая власть позволяли носителям «тайного знания» играть особую роль в разрешении конфликтов. Ритуальный эксперт, стоящий в стороне от общей иерархии, вмешивался, чтобы восстановить нормы общежития и покарать преступников.

Колдовство, вредоносная магия — могущественное оружие, которое позволяло скрытно нанести урон сопернику, в том числе удаленному и хорошо защищенному, та «ночная власть», которая отрицала «дневную», открытую. По этой причине колдовство и связанные с ним защита от колдовства и обвинение в колдовстве являются одними из главных проявлений общественной жизни пре-модерного общества. Злой колдун — опасный внутренний враг, скрытый и коварный. Само колдовство — недопустимое проявление соперничества, порицаемое и вместе с тем всегда присутствующее [1, с. 71, 72].

Надобщинные культы. Общины были связаны между собой надобщинными культами, которые формировали надобщинную систему отношений — властных, экономических, духовных. Поселения, в которых находились храмы особо почитаемых божеств, становились влиятельнее, богаче и многочисленнее.

Культ общего легендарного предка порождал объединения родов-*линиджей*, члены которых населяли разные общины. Системы родов-*линиджей* всегда были в той или иной степени иерархичны, но существовали отчетливо асимметричные объединения родов, в которых старшие роды властвовали над младшими. Положение во властной иерархии определялось здесь близостью к почитаемому предку [1, с. 64–67, 84].

Культы божеств, властвовавших над различными сферами жизни, были основой для профессиональных объединений, где ритуалы культа посвящены тем или иным ремеслам и искусствам [8, с. 42, 43]. Чтобы вступить в такой культ, требовалось внести значительные пожертвования и показать особую мудрость, доступную лишь избранным. Поэтому, хотя членство в таких профессиональных культах часто передавалось по наследству, сами они были меритократической институцией, где статус определялся не происхождением, а обладанием мудрости, «угодной» божеству. Это вело к возникновению социальных групп профессиональных или полупрофессиональных воинов, управителей, ремесленников, торговцев, артистов. Члены этих групп могли свободно перемещаться между общинами, поступать на службу к влиятельным людям [17, с. 40].

Одной из таких групп были ритуальные эксперты, перемещавшиеся от общины к общине в поисках клиентов. Подобные люди всегда

вызывали большое подозрение. Странствующие гадатели, заклинатели животных, колдунов и ведьм имели сомнительную репутацию людей, практикующих неэффективные или запрещенные ритуалы [11, pp. 28, 29]. Однако, как всяким чужакам, им приписывали особую связь с потусторонним миром и силы, превосходящие силы своих, общинных знахарей [18, pp. 163, 164].

Наконец, если ритуальный эксперт имел репутацию особо могущественного, то его дом становился местом паломничества для множества людей, искавших исцеления и помощи в разрешении своих проблем. И если колдун всегда оставался чуждым социуму, то авторитетный знахарь влиял на местную религиозную жизнь [18, p. 165].

Особое место среди надобщинных культов занимали те, которые требовали от посвященных большей преданности чтимому богу, чем родовым и общинным божествам. Таковыми были тайные общества и союзы. Эти объединения отличались дисциплиной, эзотеричностью — чтобы вступить в союз, требовали поручителей и щедрое пожертвования. Внутри тайных обществ была выстроена многоступенчатая иерархия посвящений, в которой старшие члены обладали властью над младшими [1, с. 110]. Фактически члены такого культа представляли особую семью, главой которой было чтимое божество. Форму тайного общества неизбежно принимала любая институализированная традиция ритуальных экспертов, бывшая эзотерической по своей природе.

Потестарные организации средней сложности. Описанные выше надобщинные культы объединяли отдельных людей. Но наиболее важные надобщинные культы имели власть над отдельными общинами. Такие культы были потестарными организациями средней сложности. Власть в надобщинных институциях была ограничена пространством общих дел: совершением общего культа, командованием войском, руководством общественными работами, и не распространялась на внутренние дела общин и семей, главы которых обладали отеческой властью над своими родичами.

Если ни один из потестарных институтов объединения не мог претендовать на господство над другими, то возникали гетерархические политические объединения, где власть была распределена между многими центрами. Такие объединения могли быть как компактными (протогородские и городские общины, крупные деревни), так и охватывать большие территории (разного рода системы, федерации и конфедерации самоуправляющихся общин). При этом общности, составлявшие гетерархию, не были равны: одни группы были более влиятельными и имели право получать от других различную помощь и ресурсы.

Политическая теология гетерархических сообществ видела в объединении собрание многих богов-покровителей, разрешавших важные дела и вопросы своих подданных-людей на совете. Соответственно, так же поступали смертные представители божеств — старейшины, верховные жрецы [15, с. 146–156]. В гетерархических обществах надобщинные властные институты либо отсутствовали, либо представляли собой советы, собиравшиеся лишь по экстраважным поводам. Если у такого сообщества и был лидер, то он не мог претендовать на значимое перераспределение власти и ресурсов [1 с. 103–108].

Если один надобщинный культ начинал преобладать над другими, то это вело к возникновению относительно централизованного политического сообщества.

Объединение нескольких общин вокруг храма могущественного божества приводило к созданию городского центра. Такие центры со временем распространяли свою власть на окружающие поселения. Основной властной институцией был храм божества-покровителя, который приобретал значительные ресурсы. Такое объединение обычно происходило мирно, а устройство власти было подобно общинному [20, с. 45, 46, 101, 102].

В других случаях власть мог сосредоточить в своих руках военный лидер, который передал свой статус по наследству. Так образовывались вождества. Обычно вождь проживал в укрепленной резиденции, а его подданные — в своих деревенских общинах. Власть вождя опиралась на отряд воинов, лично подчиненных вождю. Вождя окружали советники, а его волю исполняли личные слуги. Простые вождества могли объединяться в многосоставные сложные вождества, где верховный вождь стоял над младшими вождями [21, с. 28, 29]. Политическая теология вождества была основана на представлении о том, что вождь и его род находятся в особых отношениях с духовным миром и потому могут обеспечить божественное покровительство всем, кто живет под их властью [22, с. 221–225].

Обычно вождества возникали в результате конфликта, в ходе которого верховную власть победителя признавали несколько общин. Такое происхождение власти вождя не вело к ее десакрализации: борьба между приверженцами разных культов понималась как борьба богов, а победа была не торжеством грубого насилия, но свидетельством благоволения божественного мира к победителю.

Носители «тайной мудрости» непременно находились рядом с теми, кто обладал верховной властью. Ритуальные эксперты входили в окружение вождей и влиятельных людей, служили при храмах, а их советы решали судьбы тысяч людей [11, pp. 28, 29]. Несмотря на огромную разницу в социальном положении, общим для всех ритуальных экспертов было маргинальное положение во властных сетях — в отличие от жрецов, всегда вписанных в иерархию.

В заключение следует отметить, что простыми потестарными организациями были большая семья и община, объединявшая живущие рядом семьи. Над общинами выстраивались потестарные организации средней сложности: от тайных обществ до «аналогов государств» вроде сложных вожеств.

Властные отношения между людьми рассматривались как часть властной иерархии мироздания, возникшей в изначальные времена. Миром правили боги, получившие власть-мудрость от верховного божества. Устанавливая культ, т. е. вступая с божествами в отношения «покорность в обмен на покровительство», человек получал власть над другими людьми. Потому основой для потестарных систем были культы богов. Власть в семье была основана на культе предка-прародителя, в общине — божества покровителя. Власть и мудрость распределялись согласно половозрастной иерархии, соответствовавшей посвящениям в таинства культа. В основе потестарных организаций средней сложности лежали надобщинные культы.

В целом власть в древних потестарных структурах была неразрывно связана с культом и мудростью как умением правильно жить, в том числе — способностью выстраивать отношения с божествами. Посвящение в культ божества, бывшего источником власти в общности, соответствовало положению человека во властной иерархии. Потому любой человек, обладающий властью, непременно должен был стать также и жрецом божества, которое вручало ему эту власть. Таким образом, не существовало и не могло существовать особой социальной группы жрецов.

Иное место в социуме занимали обладатели «тайного знания», позволявшего вступать в особые отношения с чужими духами и божествами. Владеть подобной информацией считалось крайне непредсказуемым и небезопасным, а потому немногие стремились к обладанию ей. Ритуальные эксперты занимали особое место в общности: они были маргиналами, но обладали властью. Обычные люди опасались вступать в общение с ними, но вместе с тем нуждались в их помощи. Ритуальный эксперт мог иметь свои способности от рождения, но чаще он проходил обряд инициации и становился адептом особого культа, отличного от общественного.

Обладатели «тайного знания» разделялись на две большие группы: тех, кто использовал свои особые отношения с духовным миром в своекорыстных целях для разрушения миропорядка, и тех, кто выступал защитником и восстановителем закона. Первых боялись и ненавидели, ко вторым относились с уважением, но и со страхом. Общественный статус ритуальных экспертов прямо коррелировал с их силой и мудростью. При этом они чаще всего предпочитали находиться вне официальной властной иерархии, имеющей основанием

общественный культ. Иными словами, лидер общности во всей своей деятельности прибегал к культу божества-покровителя всей группы. А ритуальный эксперт служил своему покровителю, консультировал при любых проблемах и затруднениях. При этом он был способен обращаться к помощи посторонних богов, используя более широкие возможности общения с духовным миром.

В отличие от служителей храмового культа, ритуальные эксперты были открыты к новациям и переменам, обещавшим новую мудрость и новую силу. Эти люди играли заметную роль в установлении надобщинных связей — и как странствующие «знатоки», и как авторитетные фигуры, привлекавшие к себе паломников, и как советники правителей.

В ритуальном эксперте следует видеть далекого предка интеллектуала позднейших эпох. Однако, как было отмечено в первой части статьи, интеллектуал может появиться только там, где произошло отделение культуры от культа. Впервые в истории человечества это произошло в государствах Древнего Востока.

(Продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Баландье Ж. *Политическая антропология*. Москва, Научный мир, 2001, 204 с.
- [2] Бочаров В.В. *Политическая антропология. Большая российская энциклопедия. Т. 26*. Москва, Большая российская энциклопедия, 2014, с. 689.
- [3] Шишков А.В. *Политическая теология. Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал*. URL: <https://bigenc.ru/c/politicheskaiateologiiia-962537/?v=5645036> (дата обращения 16.12.2024).
- [4] Шмитт К. *Понятие политического*. Санкт-Петербург, Наука, 2016, 567 с.
- [5] Ассман Я. *Египет: теология и благочестие ранней цивилизации*. Москва, Прицельс, 1999, 368 с.
- [6] Ассман Я. *Политическая теология между Египтом и Израилем*. Санкт-Петербург, Владимир Даль, 2022, 181 с.
- [7] Кожев А. *Понятие власти*. Москва, Праксис, 2006, 192 с.
- [8] Крылов А.О. Интеллектуалы Древнего мира (1 часть). *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 1. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2024-1-884>
- [9] Ладынин И.А. От вместилищ богов к магическим помощникам: рецепция переднеазиатского представления о культовых изображениях в позднем и греко-римском Египте. *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*, 2014, № 3, с. 158–168.
- [10] Black J., Green A. *Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia*. Bath, The Bath Press, 1992, 191 p.
- [11] David J., Collins S.J., eds. *The Cambridge History of Magic and Witchcraft in the West*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015, 798 p.
- [12] Хейзинга Й. *Homo ludens*. Санкт-Петербург, Азбука, Азбука-Аттикус, 2022, 400 с.
- [13] Вебер М. *Хозяйство и общество. В 4 т. Т. 4*. Москва, Издательский дом Высшей школы экономики, 2019, 542 с.

- [14] Бессмертная О.Ю., Рябинин А.Ю. Предки. *Мифы народов мира. В 2 т. Т. 2.* Москва, Советская энциклопедия, 1988, с. 333–335.
- [15] Куланж Ф. де. *Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима.* Москва, Вече, 2019, 447 с.
- [16] Якобсен Т. *Сокровища тьмы.* Москва, Восточная литература РАН, 1995, 293 с.
- [17] Попов В.А., ред. *Ранние формы потестарных систем.* Санкт-Петербург, МАЭ РАН, 2013, 383 с.
- [18] Mirecki P., Meyer M., eds. *Magic and Ritual in the Ancient World.* Leuden, Brill, 1997, 470 p.
- [19] Мазалова Н.Е. *Народно-медицинское «тайное знание» русских ритуальных специалистов: семантика, статус, функции (конец XIX — начало XXI в.). Дисс. ... д-ра истор. наук.* Москва, 2019, 440 с.
- [20] Козырева Н.В. *Очерки истории Месопотамии.* Санкт-Петербург, Контраст, 2016, 551 с.
- [21] Попов В.А., ред. *Ранние формы политических систем.* Санкт-Петербург, МАЭ РАН, 2012, 382 с.
- [22] Гринина Л.Е., ред. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* Волгоград, Учитель, 2006, 559 с.

Статья поступила в редакцию 24.12.2024

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Крылов А.О. Интеллектуалы Древнего мира (часть 2). *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 6. EDN FRKICT

Крылов Алексей Олегович — канд. истор. наук, доцент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана, младший научный сотрудник Центра истории богословия и богословского образования Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. e-mail: dismal.enigma@yandex.ru

Intellectuals of the Ancient World (Part 2)

© A.O. Krylov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia
St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, 115184, Russia

The paper considers social role and influence of the “wise” people in the archaic societies. It analyzes various types of power and power structures ranging from simple forms of organization, such as family and community, to the complex potestary systems, including secret societies and “state analogues”. The main attention is paid to relations between the power and the cult, as well as to the role of the “ritual experts”, who possess “secret knowledge” in maintaining and strengthening power relations. The paper shows that intellectual activity in the ancient world was closely connected with the religious and magical practices that formed the basis of social and political life. It concludes that ritual experts were the closest to intellectuals in their social status.

Keywords: intellectuals, cult, power relations, potestary systems, magic, political anthropology, political theology, ritual experts, wisdom

REFERENCES

- [1] Balandier G. *Antropologie politique*. Paris, Presses Universitaires de France (PUF), 1967 [In Russ.: Balandye Zh. Politicheskaya antropologiya. Moscow, Nauchnyi Mir Publ., 2001, 204 p.].
- [2] Bocharov V.V. Politicheskaya Antropologiya [Political Anthropology]. *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Vol. 26. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya Publ., 2014, p. 689.
- [3] Shishkov A.V. Politicheskaya teologiya [Political Theology]. *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya: nauchno-obrazovatelnyi portal* [The Great Russian Encyclopedia: Scientific and Educational Portal]. Available at: <https://bigenc.ru/c/politicheskaya-teologiya-962537/?v=5645036> (accessed December 16, 2024).
- [4] Schmitt K. *Der Begriff des Politischen*. München, Duncker & Humblot, 1932 [In Russ.: Shmitt K. Ponyatie politicheskogo. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, 567 p.].
- [5] Assmann J. Egypt. *Theology and piety of an early high culture*. Stuttgart, W. Kohlhammer GmbH, 1991 [In Russ.: Assmann Ya. Egipet: teologiya i blagochestiye ranney tsivilizatsii. Moscow, Pritsels Publ., 1999, 369 p.].
- [6] Assmann J. *Politische Theologie zwischen Ägypten und Israel*. Carl Friedrich von Siemens Stiftung, 1992 [In Russ.: Assmann Ya. Politicheskaya teologiya mezhdru Egiptom i Izrailem. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2022, 181 p.].
- [7] Kozhev A. *Ponyatie vlasti* [The Concept of Power]. Moscow, Praxis Publ., 2006, 192 p.
- [8] Krylov A.O. Intellektualy drevnego mira (chast 1) [Intellectuals of the Ancient World (Part 1)]. *Gumanitarny vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2024, iss. 1. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2024-1-884>
- [9] Ladynin I.A. Ot vmestilishch bogov k magicheskim pomoshchnikam: retseptsiya peredneaziatskogo predstavleniya o kultovykh izobrazheniyakh v pozdnem i greko-rimskom Egipte [From the Receptacles of Gods to the Magical

- Aides: The Reception of the Near Eastern Attitude towards Cult Images in Late and Greco-Roman Egypt]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki — Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 2014, no. 3, pp. 158–168.
- [10] Black J., Green A. *Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia*. Bath, The Bath Press, 1992, 191 p.
- [11] David J., Collins, S. J., eds. *The Cambridge History of Magic and Witchcraft in the West*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015, 798 p.
- [12] Huizinga J. *Homo ludens*. Gallimard, 1938 [In Russ.: Kheyzinga Y. Homo ludens. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka–Attikus Publ., 2022, 400 p.].
- [13] Weber M. *Economy and Society*. Bedminster Press, 1968 [In Russ.: Veber M. Khozyaistvo i obshchestvo. V 4 t. T. 4. Moscow, Vysshey Shkoly Ekonomiki Publ., 2019, 542 p.].
- [14] Bessmertnaya O.Yu., Ryabinin A.Yu. Predki [Ancestors]. *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1988, pp. 333–335.
- [15] Coulanges F., de. *The Ancient City. A Classical Study of the Religious and Civil Institutions of Ancient Greece and Rome*. Doubleday & Company, Inc., 1956 [In Russ.: Kulanzh F., de. Drevniy gorod. Religiya, zakony, instituty Gretsii i Rima. Moscow, Veche Publ., 2019, 447 p.].
- [16] Jacobsen T. *The Treasures of Darkness. A History of Mesopotamian Religion*. Yale University Press, 1978 [In Russ.: Yakobsen T. Sokrovishchya tmy. Moscow, Vostochnaya Literatura RAN Publ., 1995, 293 p.].
- [17] Popov V. A., ed. *Rannie formy potestarnykh sistem* [Early Forms of Potestarian Systems]. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2013, 383 p.
- [18] Mirecki P., Meyer M., eds. *Magic and Ritual in the Ancient World*. Leuden, Brill, 1997, 470 p.
- [19] Mazalova N.E. *Narodno-meditsinskoe "taynoe znanie" russkikh ritualnykh spetsialistov: semantika, status, funktsii (konets XIX — nachalo XXI v. Dis. ... d-ristor. nauk* [Folk medical "secret knowledge" of the Russian ritual specialists: semantics, status, functions (late 19th — early 21st centuries). Diss. ... Dr. Sc. (History)]. Moscow, 2019, 440 p.
- [20] Kozyreva N.V. *Ocherki istorii Mesopotamii* [Essays on the history of Mesopotamia]. St. Petersburg, Kontrast Publ., 2016, 551 p.
- [21] Popov V.A., ed. *Rannie formy politicheskikh sistem* [Early forms of political systems]. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2012, 382 p.
- [22] Grinina L.E., ed. *Ranee gosudarstvo, ego alternativy i analogi* [The Early State, its Alternatives and Analogues]. Volgograd, Uchitel Publ., 2006, 559 p.

Krylov A.O., Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University; Junior Researcher, Center for History of Theology and Theological Education, St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University. e-mail: dis-mal.enigma@yandex.ru